

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ КИТАЙ

—— Игорь Бурдонов китайским читателям

Перевод Гу Юя

Дорогой китайский читатель! Я пишу эти слова по-русски, а мой друг профессор Гу Юй согласился сделать перевод. Я хочу рассказать, как получилось, что я написал такие стихи.

Когда пишешь стихи на китайские темы, превращаешься... Нет, не в китайца — для этого надо, чтобы папа и мама были китайцами. Превращаешься в того, кто понимает других людей без слов, а они понимают тебя без слов. А зачем искать человека, забывшего слова? На это ответил Чжуан-цзы: 与之言哉. [Чтобы поговорить с ним]

Мои стихи — это разговор с людьми, забывшими слова. Старый каллиграф, которого я видел за работой в горах Лушань, древний гадатель, перебирающий в руках стебли тысячелистника, Чжэн Каофу, осторожнодвигающийся вдоль стен домов, Лао-цзы, покидающий Западную Заставу, Конфуций, странствующий по царствам в эпоху 春秋 [Чуньцю — Вёсны и осени], Бо Цзюй-и, поющий 长恨歌 [Песнь о великой печали]. Но если все они забыли слова, то возникает вопрос, который 白乐天 [Бо Лэтянь = Бо Цзюй-и] задал о 老君 [Лаоцзюнь = Лао-цзы]: 「缘何自著五千文」 [Как получилось, что он написал пять тысяч слов?].

В этом и состоит загадка и парадокс поэзии: говорить словами, чтобы передать то, что словами невыразимо. Но для этого нужны особые слова, такие, какие знали и говорили Чжэн Каофу, Лао-цзы, Конфуций и Бо Цзюй-и. Я только пытаюсь говорить такие слова, а получается у меня или нет, судить не мне, а тебе, дорогой читатель.

Почему я люблю Китай? Это очень глупый вопрос. На него нельзя ответить, потому что любой ответ будет неполный и не точный. Поэтому я просто пишу стихи.

Но всё же попытаюсь ответить. Если представить на мгновение, что китайская культура исчезла, мне кажется, человечество почувствовало бы себя так, как чувствует себя человек, потерявший руку, или ногу, а то и голову. А я не хочу остаться без головы.

Я уже сорок лет изучаю Китай. Нет, это не изучение, это вчувствование: в поэзию, философию, искусство, природу, жизнь, — вашей удивительной страны, отличающейся странным пристрастием к собственному прошлому, и в то же время стремительно шагающей в будущее. Эта культура, это мироощущение оказались удивительно близкими мне по каким-то глубинным своим началам. И хотя путешествие в Китай до недавнего времени было воображаемым, радость встречи, откровение встречи, открытие иного мира — настоящие. Явь более осязаемая, чем хождение по собственной квартире.

Трудно объяснить, почему зовёт далёкое. Ведь оно уже стало близким! Самое волнующее в этом странствии — встречи с людьми: мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, весёлыми и печальными, поэтами, философами, художниками. Они приходили ко мне, или, может быть, это я ходил из дома в дом, из века в век, по дорогам Китая — по долинам, горам, переправлялся через реки и плыл в лодке по рекам, останавливался в городах, любовался цветами в горах, пил молодое вино с крестьянами...

Это люди, которых мы помним, или которых забыли, но они жили. На этой Земле и в этой Вечности. Оттого, наверное, и рождаются стихи-послания. В далёкую страну, в древние времена... Мне говорят: что может быть безысходней таких посланий?! Но разве Настоящее, если вдуматься в буквальный смысл этого слова, это лишь то, что есть? Здесь и сейчас? Сумма Прошлого — разве не это есть Настоящее? Разве в Океане Памяти течения не движутся в обе стороны? И Время не ходит кругами? Разве Родина имеет границу? Или пути не ведут из страны в страну? Или Небо не кругло?..

Мне кажется, я стал иначе видеть нашу, российскую, природу: наши леса и поля, наши реки, наши деревья. Я вдруг увидел, что у берёзы ветви удивительно и необычно изгибаются — подобно драконам, или подобно искривлённым деревьям на китайских картинах. Наверное, потому, что стал ценить красоту не только в прямых и открытых линиях, но и в кривых, причудливо изогнутых. Я действительно почувствовал в сосне не только красоту, но и начало этическое. И в шорохе тростника мне слышался голос времени. Я как будто проснулся и увидел, что живу не вообще во времени, а в весне, лете, осени, или зиме. Год оказался кругом, по которому движется жизнь, и, может быть, я хоть чуть-чуть приблизился к деревьям, птицам, облакам

и смог почувствовать весну в себе, и осень входила в меня и возвращала в забвение...

Мне иногда советуют «бросить эту китайщину и вернуться в Россию и в наше время». Я думаю так: настоящее возвращение — это не когда пятятся назад, а когда отбрасывают сомнения в движении вперёд. Утро возвращается каждый день, но солнце движется всегда с востока на запад. Мне кажется, на склоне лет я возвращаюсь в Россию, я возвращаюсь через Китай. Такое у меня кругосветное путешествие. Люди уходят и возвращаются, чтобы соединить в своём сердце все точки пути. И я мечтаю: может быть в наш век уже начинают стираться границы, и соприкосновение душ перестаёт быть курьёзом и становится знаменем времени?

Это то, о чём писал мой любимый поэт ТаоЮань-мин:

邻曲时时来，抗言谈在昔。

奇文共欣赏，疑义相与析。

[Важней, чтоб соседи почаще ко мне ходили
И мы в разговорах судили б о старине,
И чудным твореньем мы вместе бы восторгались,
Неясные мысли друг другу толкуя в нем.]

В наше время авиаперелётов и интернета мы все соседи на Земле. Мой друг Гу Юй далеко от меня, за тысячи километров, а мне кажется, что он близко. Мы сидим за одним столом, пьём чай и беседуем.

Конфуций сказал: 「知之者不如好之者，好之者不如樂之者。」
[Знающий уступает увлечённому, увлечённый уступает радующемуся] Я радуюсь!

Я ответил на вопрос «Почему я люблю Китай»? Наверное, нет. Тогда ищите ответ в моих стихах.

Когда мой друг Гу Юй переводит на китайский язык стихи Пушкина, мне кажется, он тоже «забывает слова». Поэтому он перевёл так много стихов, так много слов.

И я бесконечно благодарен моему другу Гу Юю за перевод моих стихов и за счастье общения, редакции журнала «Всемирная литература» за публикацию моих стихов, и тебе, дорогой читатель, за то, что ты в моём скучном рассказе дошёл до этих слов.

Игорь Бурдонов
20 августа 2023